

АННА ГАЛЕ

НАШ
ИДЕАЛЬНЫЙ
БРАК

Анна Гале

Наш идеальный брак

«Автор»

2020

Гале А.

Наш идеальный брак / А. Гале — «Автор», 2020

Со стороны брак Сергея и Лены кажется идеальным. Они начали семейную жизнь с венчания, и общий духовный отец всегда готов дать наставление молодой семье. Сергей стремится к святой жизни - как он ее понимает. И Лене приходится постоянно идти на уступки, раз за разом ломая себя. Вернувшись от матери, Лена узнает, что дети тяжело больны и вопреки всем принципам супруга везёт их в больницу. В тот же день ей сообщают - Сергей убит...Внимание! Все события и персонажи вымышлены. Автор с уважением относится к религии и считает виновниками острых ситуаций в книге именно людей, а не их вероисповедание.

© Гале А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Анна Гале

Наш идеальный брак

Пролог

Тяжёлая капля наливалась, набиралась сил, чтобы сорваться вниз, проскользнуть по капельнице в тонкую, еле заметную вену. Как же медленно движутся эти капли! Я потеряла ледяные пальцы и снова до боли сцепила руки в замок.

Услыши мя, Господи, услыши мя, Владыко...

– Вам, Елена Романовна, я так понимаю, дети не нужны? – грубо спросила пожилая врач, прерывая мою почти неосознанную молитву. – Несколько дней высокая температура, сыпь, а вы ни за медицинской помощью не обращались, ни лекарств не давали, так?

Я отвела взгляд от капельницы и посмотрела на хмурую полную женщину в белой униформе. Ругается, а глаза усталые. Сколько она видела таких случаев, когда дети действительно оказывались не нужны?

– Я была в отъезде и не знала, что они больны, – мой голос прозвучал бесцветно. – Вернулась домой три часа назад, увидела детей в таком состоянии, и мы тут же поехали в больницу.

– Послушайте, мамаша, вы их одних на несколько дней оставляли, что ли? – раздражённо спросила врач.

– Нет, они были с отцом.

– И как ваш муж это объяснил? – врач неразборчиво делала какие-то пометки в документах.

– Не знаю, я его ещё не видела. Когда зашла в квартиру, дети были одни, – я сглотнула. – Оба без сознания. Я позвала соседку, она врач. Педиатр. Мы на её машине сразу же поехали в больницу...

Женщина смотрела на меня с откровенным сомнением.

– И где же находился в это время ваш супруг?

– Я не смогла до него дозвониться, он не берет трубку, – я в очередной раз нервно потёрла руки. – Когда я звонила с вокзала, муж сказал, что дети приболели, и он меня ждёт.

– Приболели! – раздражённо повторила врач. – Вы привезли их в критическом состоянии. У ваших детей нет ни одной плановой прививки, они вообще не наблюдались в районной поликлинике. Вы даже не знаете, кто у вас участковый педиатр! Как вы это объясните?

– Муж считает, что обращение к врачам противоречит вере, – устало повторила я то, что слышала от Сергея в течение нескольких лет.

Врач глубоко вздохнула.

– Где вы рожали? – сдержанно спросила она.

Я назвала номер роддома. Машинально нащупала руку доченьки, сжала горячую ладошку. Пальчики Маринки шевельнулись в ответ, я почувствовала облегчение. Малышка ещё не открыла глаза, но улыбнулась, когда я взяла её за руку.

– Туда, значит, отпустил, – врач поморщилась. – В детский сад вы детей тоже не устраивали по идейным соображениям?

Я кивнула.

– Вы на вид – вменяемая женщина, – помедлив, произнесла врач. – Потому и говорю: дети в критическом состоянии. Вас специально поместили в отдельную палату, чтобы не заразили весь этаж. Если ваш супруг будет требовать забрать их отсюда, я ни за что не поручусь. И предупреждаю, первое, что я сделаю в этом случае, – извещу о ситуации органы опеки.

Я кивала, как сломанная заводная игрушка, взгляд снова вернулся к капельнице у кровати моего сына. Речь врача прервал звонок телефона. Доктор отвела взгляд и поджала губы, услышав мелодию звонка – звучный голос Сергея, читавший по-церковному нараспев: «Да подчинится жена мужу своему». Я дрожащей рукой схватила трубку:

– Сергей, где ты? Я с детьми в больнице, не могла дозвониться до тебя...

– Лена, подожди, – послышался из трубки голос свекрови с истерическими нотками. – Я пришла к вам, а тут... – она всхлипнула. – Ой, Лена... Тут... Сергей... Он...

– Что случилось? – резко спросила я. – Что с ним?

– Убилиии, – тоненько завывла свекровь.

– К-кого? – мой голос сделался хриплым.

– Сереженьку нашего убилиии...

Я прикрыла глаза.

– Я пришла, а он в бытовке лежит... Голова в крови вся, ещё не остыл... – всхлипывая, продолжала свекровь. – Этажерка опрокинута, на полу вокруг кастрюли лежат, книжки. Ой, испытание, ой, искушение...

– Так, может, живой он? – деревянным голосом произнесла я. – В скорую звонить надо.

– Ой, Лена, здесь и скорая, и полиция... Я думала, шкаф этот на него упал, а они между собой говорят – похоже, убилиии... Приезжай, ты тут нужна! – в голосе свекрови прорезались неожиданно властные нотки.

Я посмотрела на бледные лица своих детей, на капельницы у постелей, на усталую женщину-врача, которая не собиралась выходить из палаты.

– Не могу, – выдохнула я. – Я с детьми. Я вам позвоню.

Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй...

Глава 1

Религия вошла в мою жизнь, когда мне было пятнадцать лет. Вернее, мы с мамой и раньше на Крещение ходили в церковь за святой водой, а на Пасху – освящать куличи. Но после того, как отец ушёл к беременной любовнице, мама начала ходить в церковь каждую неделю – в субботу вечером и в воскресенье утром. Сначала молилась о возвращении заблудшего мужа, потом – о прощении его Богом. Вскоре мама стала по полтора часа по утрам и вечерам читать молитвы, в том числе – от нечистой силы. И всё чаще я слышала дома имя отца Иоанна. Человека, которому предстояло сыграть большую роль в моей судьбе.

– Он такой светлый, – с восторженным блеском в глазах повторяла мать. – Святой человек, всё для храма делает, после службы задерживается каждый раз, часами с людьми разговаривает. Никого вниманием не обойдёт, всех наставит, всем совет даст. Он ещё беседы по воскресеньям ведёт, давай мы с тобой сходим послушать. Тебе будет интересно.

Мать настаивала, и в итоге я сначала пошла с ней на беседы, а потом и на церковные службы. Отец Иоанн – интеллигентный мужчина лет сорока – убедительно рассказывал о грехе, о праведности, о душе, о жизни по заповедям и о том, какой должна быть православная семья. Говорил он вроде всё правильно, с заповедями не поспоришь. Только я и сама не поняла, когда меня лишили тех развлечений, которые были в порядке вещей для моих ровесников. Мать взялась следить за моей душой и жизнью и всячески оберегала меня от всего, что считала мирскими соблазнами

Новогодний вечер в школе? Ни в коем случае, сейчас пост идёт, нечего плясать и веселиться. Пойти с классом в театр или кино? Ещё не хватало какую-то бесовщину молодёжную смотреть! Посидеть после школы в кафе с подружкой и съесть пару пирожных? Нельзя, денег и так нет, мама отцу Иоанну на купол для храма пожертвовала и ещё собирается со следующей зарплаты добавить.

– Мам, у меня сапоги протекают, – не выдержала я. – Может, купол и без тебя поставят?

– Вот у отца своего денег на сапоги и попроси! – отрезала мать. – Раньше вообще десятину на храмы отчисляли, а сейчас – кто сколько может. Я эти деньги зарабатываю, мне они тяжело даются, так что я сама решу, кому и на что дать.

– У отца Иоанна «бмв», – напомнила я. – Может, логичнее, если он будет платить эту самую десятину?

Мать суетливо перекрестилась, затем начала крестить воздух в мою сторону, бормоча молитву против нечистой силы. Дышала она так, словно разгружала машину с кирпичами, глаза возмущённо сверкали.

– За такие слова ты сейчас лук в картошку чистить будешь! – наконец, выдохнула она. – От отца тебе бес передался, что ли?

Лук так лук. Я вылетела в кухню. В голове билась одна мысль: мать сходит с ума! Я много слышала об опасных сектах, из-за которых люди отдаляются от родственников, раздают имущество, остаются без квартир, работают на благо этих тоталитарных организаций. Но мама же не в секте! Она не какая-то необразованная наивная женщина, а учительница в школе. И вряд ли отец Иоанн требует от неё последние деньги на купол храма.

Мать пришла на кухню через пару минут, когда я уже мелко резала очищенную луковицу. Лук попался «злой», на глаза наворачивались слезы. Мама удовлетворённо покосилась на меня и полезла в холодильник. Как оказалось, за свечками. Она ходила вокруг меня с зажженной церковной свечой, затем подняла свечку над моей головой.

– Мам, а ты что делаешь? – осторожно спросила я.

– Если свечка затрещит, значит, что-то в тебе плохое есть, – уверенно ответила она. – И нужно держать свечу, пока трещит, чтобы плохое выходило.

– Но она же не трещит...

Мать с сомнением посмотрела на меня, потом на свечку, затем пошла по всем углам. Свеча издала еле слышный треск у полочки для посуды. Мама схватила оттуда мою чашку и посмотрела на неё так, словно впервые увидела. Чашка как чашка, с забавной улыбающейся мордочкой и надписью: «Хорошего дня».

– Это тебе Алинка подарила?

Я кивнула. Да, чашка – подарок моей подруги, одноклассницы и соседки Алины.

Мать с размаху швырнула чашку на пол. Я ошеломленно смотрела, как позитивный подарок Алины раскалывается на несколько кусков, как они разлетаются по кухне. Из моих глаз хлынули слезы, и к луку они уже не имели отношения. Вместе с чашкой окончательно рассыпался на куски мой мир – такой, каким я знала его с детства. Тот мир, где я для мамы была важнее, чем отец Иоанн, где никто не говорил, что во мне сидит бес, и где родители были вместе.

– Зачем? – сквозь слезы выговорила я.

– Подарок от неправославной, да ещё морда эта с языком! – в голосе матери прозвучало удовлетворение. – Бес же, натуральный! Он на тебя и влиял. Плачешь – значит, в себя приходишь. А чашка вон нормальная есть, серенькая, без рисунка.

– Чашка, может, и нормальная, а ты нет, – вырвалось у меня.

– Что-о? – мать подскочила ко мне. – Вот ты как? Я тебя кормлю, пою, молюсь за тебя, чтобы выросла не заблудшей, как отец твой! Вот я отцу Иоанну расскажу, как ты с матерью разговариваешь! Начинай поститься, на исповедь в субботу пойдём!

В церковь она буквально тащила меня за руку, незаметно крестя другой рукой воздух. На исповедь отправила меня первую и выразительно посмотрела на отца Иоанна. Видимо, уже успела рассказать о моем «неподобающем поведении».

Я перечисляла грехи: завидовала, роптала, родителей не почитала...

– Ты подожди, – отец Иоанн неожиданно по-доброму улыбнулся. – Кому завидовала-то?

– Тем, кто живёт нормальной жизнью. С подружками гуляет, сапоги у них не протекают, с мамами отношения другие.

– Ну а кто тебе не даёт с подружками гулять? – он удивлённо сморгнул.

И тут меня прорвало. Я долго со слезами выкладывала и о пропущенных походах в театр и кино, и о запретах на общение с «неправославными и нецерковными», и о сапогах, и о разбитой чашке и свече над моей головой.

Отец Иоанн слушал внимательно, кивал с сочувствием, не перебивал.

– Лена, это всё очень тяжело, – наконец, заговорил он. – Твоя мама недавно пришла к вере и сейчас делает ошибки, такое бывает. Она недавно развелась с твоим отцом, ей нужна поддержка не только Бога, но и родного человека. И единственный родной человек, который с ней остался, это ты. Постарайся понять маму и простить её. И не надо роптать на Бога и церковь. Бог создал человека свободным, и люди сами выбирают, как им поступать.

После разговора с отцом Иоанном поведение матери изменилось. Она нехотя, но начала отпускать меня гулять с классом и даже давала мне немного карманных денег из алиментов, которые платил отец. Пару раз в неделю я обязательно слышала от мамы, как ей тяжело работать за нас двоих. Однако все мои попытки в шестнадцать-семнадцать лет найти подработку наткнулись на категорические протесты матери: «Тебе надо учиться», «Не привязывайся к деньгам, они портят людей», «Сказано: не думай о завтрашнем дне»...

Первый гром среди не слишком ясного неба грянул, когда я совсем его не ждала. Я окончила школу и получила аттестат с хорошими баллами, но даже не представляла, что делать и куда идти дальше. Мы с матерью совсем не обсуждали это, и мне казалось, что ещё будет время обдумать, в какой вуз или колледж подать документы. Однако мама давно уже придумала всё за меня, и её идея заставила меня вздрогнуть.

– Ты будешь учиться на регента, – заявила она пасмурным июньским утром за завтраком. – Я уже всё узнала. Девочки четыре года живут в общежитии при духовной семинарии, изучают церковный устав, ноты, а заодно... – мать хитро подмигнула. – Там учатся хорошие мальчики, будущие священники. И после семинарии они стараются жениться, понимаешь?

Разумеется, я понимала. Маме очень хотелось увидеть меня матушкой, и как можно раньше.

– Мне медведь на ухо наступил, – не глядя на неё, сказала я. – Какой из меня руководитель хора?

– Это неважно, – отрезала мать. – Я уже говорила с отцом Иоанном, он готов дать тебе направление. И вообще, там нужны хорошие православные девочки, а слух – ну, как-нибудь научишься.

Я вздохнула поглубже. Не уверена, что мать меня поймёт, но отправить меня учиться силой она не сможет.

– Я не поеду ни в какую семинарию, – начала я. Хотела решительно, но голос тут же задрожал. – Я не хочу выходить замуж за священника. И не хочу провести четыре года почти в монашеских условиях.

– Подумай, – проникновенно начала мама, – это был бы хороший муж, венчанный брак. Священники с жёнами не разводятся, не пьют, не изменяют. А так – где мы тебе мужа найдём? Нецерковным только одного и надо, – она поморщилась. – И профессия тебе нужна хорошая, спокойная. А тут – всё и сразу. Будешь мужу помогать, хором дирижировать. Всегда сыта, всегда в тепле...

– Я не поеду, – упрямо повторила я. – Аттестат у меня нормальный, подам документы в несколько вузов, куда-нибудь поступлю.

Несколько дней после моего отказа в доме то бушевал скандал, то царила блаженная тишина – мама со мной не разговаривала. Я попыталась объяснить ситуацию отцу и попросить помощи, но натолкнулась на искренне удивлённый ответ:

– Я-то что сделаю, Лен? У матери климакс, гормоны играют, так что терпи, доча. Кстати, как там у тебя на личном фронте? Может, тебе замуж выйти и переехать, а? – он весело хохотнул.

Да уж, попробуй найти парня, чтобы смог вытерпеть такую тещу! В то время мне казалось, что маме никто не может понравиться в качестве будущего зятя. Как же я ошибалась! Этот человек существовал, и вокруг меня уже плелась липкая, надёжная паутина, из которой нельзя было вырваться.

На следующий день после убийства...

– Елена Романовна, опишите, пожалуйста, как можно подробнее все ваши действия, начиная с того, как вы вышли из автобуса на вокзале.

Парень ненамного моложе меня потёр замерзшие руки и приготовился записывать.

– Я вышла из автобуса около восьми вечера, – я наморщила лоб, послушно стараясь припомнить каждую деталь. – Сразу позвонила мужу. Он сказал, что дети приболели, и что он меня ждёт. Я пошла на автобусную остановку.

– О чем-то ещё говорили? – перебил парень в форме.

Он называл и фамилию, и имя с отчеством, но я запомнила только то, что он – старший лейтенант.

– Нет. Мы обычно не говорим по телефону долго. То есть, не говорили, – я сглотнула. – Я быстро села на свой автобус, домой приехала ближе к девяти вечера.

– Холодно, темно, сумка опять же тяжёлая, – вклинился лейтенант. – Почему не вызвали такси?

– У нас нет лишних денег, – повторила я одну из излюбленных фраз Сергея.

– По дороге к дому кого-то встретили?

– Нет. Было холодно, я никого не видела во дворе. Я поднялась на лифте и вошла в квартиру. Сергея там не оказалось. Я несколько раз позвала его, он не ответил. Потом я вошла в комнату, увидела, что дети лежат на кровати все в красной сыпи и без сознания. Работал обогреватель. Я выключила его, открыла окно, чтобы детям стало прохладно, у них была высокая температура, а тут эта жара... – мой голос сорвался. – Я позвонила соседке – Алине Бондаренко, она врач-педиатр. Она сразу спустилась ко мне, позвонила диспетчеру скорой помощи и сказала, что времени терять не будем, отвезем детей сами на её машине. Мы вынесли детей, положили на заднее сиденье, я села между ними. По дороге и в больнице я несколько раз звонила мужу, писала сообщения, но связаться с ним не смогла. А потом позвонила свекровь и сказала, что Сергей убит.

Лейтенант задумчиво кивал.

– Убийство это или несчастный случай – разберутся эксперты. Пока что мы пытаемся восстановить картину событий вчерашнего вечера. Соседи утверждают, что вчера вообще не видели вашего мужа. Елена Романовна, куда ваш супруг мог выйти перед вашим приездом? Есть предположения?

– Нет. Сергей обычно не выходит из дома поздно вечером. Не выходил...

– И вас не удивило, что муж вас не дождался и оставил тяжело больных детей одних в квартире?

– Конечно, удивило, это совсем не похоже на Сергея, – мой голос прозвучал резковато. – Но у меня не было времени думать об этом или искать его. Дети были в очень тяжелом состоянии, и я занималась ими. Я не представляла, что Сергей... – я осеклась и сглотнула ком в горле. – Что с ним такое могло случиться. Для меня стало большой неожиданностью, что детям настолько плохо. Муж говорил, они приболели, и вдруг всё оказывается так серьезно... Когда их увидела, я была в панике, и о Сергее почти не думала. У меня были мысли только о больнице. Я даже звонить мужу начала, когда мы уже подъезжали к инфекционному отделению.

– Детям лучше? – в голосе лейтенанта прозвучали сочувственные нотки.

– Да. С ними сейчас моя свекровь, – зачем-то сообщила я.

– В квартире вы заходили в бытовку? – деловито спросил он.

– Нет.

– Там горел свет?

– Не знаю. Свет горел в коридоре и в комнате, а насчёт бытовки не могу сказать. Если не заходить внутрь, этого не видно, дверь закрывается очень плотно.

– То есть свет в квартире горел, – лейтенант подался чуть вперёд. – А как вы попали домой? Дверь была открыта или заперта?

– Я открыла её ключом. У нас дверь захлопывается, я всегда открывала её ключом, даже когда Сергей был дома, – я вздрогнула. – А что, вы думаете, он уже там лежал? Мертвый?

В сильном шоке человек не всегда осознает, что происходит, и иногда кажется равнодушным. Это мне давно Алина говорила. Мой шок вчерашнего вечера сейчас прошёл за несколько секунд. Я, наконец, разрыдалась.

Глава 2

Тем памятным летом я поступила в университет на факультет психологии. Весь август мама потрясала передо мной неизвестно где взятыми брошюрами о связи психологии с бесовщиной. А я истово молилась, как никогда в жизни, прося Бога послать мне мужа, чтобы я могла, наконец, уйти от матери. Других путей для себя я не видела. Мама нашла бы меня везде и со скандалом вернула бы домой, цитируя Евангелие и свою любимую пятую заповедь. Жить с ней вместе становилось нестерпимо.

На исповеди перед Успением я рассказала обо всем отцу Иоанну. Он, как всегда, внимательно слушал и сочувственно качал головой.

– Психологи разные бывают, Елена, попадаютсся и те, что неподобающими вещами увлекаются, – сказал он. – Трансами, гипнозом, кодированием... А ведь профессия важная, нужная, только православных психологов мало. Так что благословляю на учёбу, потом будешь людям помогать жить в мире и с собой, и с Богом. Чтобы семьи сохраняли, аборт не делали, детей разумно наставляли. А насчёт мамы – тут уж молись, чтобы Господь управил всё к лучшему. О замужестве – мысль хорошая, правильная, главное, муж должен быть серьёзно на семью настроен, чтобы всю жизнь вместе прожить, во всех проблемах и печалях друг друга поддерживать. Сказано же – тяготы друг друга носите. Не радости и успехи, а тяготы. В радости-то каждый поддержать может, главное – чтобы в испытаниях не бросил, искушениям не поддался.

В начале сентября я попыталась создать описание качеств жениха, который бы мне подошёл. На тетрадном листе я выписывала в столбик:

Серьезный

Православный

Сможет поладить с моей мамой

Будет любить меня

Не пьёт, не курит, не гуляет

Не бросит семью, что бы ни случилось

Среди сокурсников искать мужа было бессмысленно. Жениться никто из них в ближайшем будущем не жаждал. В студенческих компаниях вообще царили нравы, далёкие от веры и чистоты душевной и телесной.

– Лен, ладно твоя мама с ума сходит, но ты-то с чего себя молодости хочешь лишить? – возмущённо шипела Алина. – Зачем тебе сейчас муж? Ходи на свидания, встречайся, общайся. Ты когда в кино в последний раз была?

– В мае, с классом, – подумав, ответила я.

– Во-от, – протянула подруга. – Тебя же на свидания зовут? Зовут! Ну так и сходи в кино, в кафе, просто по городу погулять.

– Алин, ну не серьёзно же зовут, – возразила я. – А мне если встречаться, то только для замужества.

– Слушай, психолог будущий, ты для кого жизнь прожить собираешься – для мамы, для священника вашего или все-таки для себя? – прищурилась Алина. – Рассказать кому, что нормальная, красивая девушка в восемнадцать лет рвётся замуж и ещё ни с кем не целовалась – не поверят!

Я отшучивалась и продолжала молиться о появлении жениха.

В октябре мы в студенческой компании отмечали день рождения Алины, и ко мне прицепился забавный парнишка. Симпатичный, весёлый, с шальными глазами – из тех, кому, как говорит моя мама, «только одно и нужно». Сидел рядом, болтал какую-то ерунду, пытался заигрывать, несколько раз касался моей руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.